

не находим в его монографии отдельной главы, посвященной оскско-умбскому обществу.

В то же время, не считая социально-экономический фактор движущим стержнем исторического развития, Девото легко переходит от правильных и интересных наблюдений к социологическим натяжкам и явным модернизациям, как, например, к предположению о социальной революции внутри индоевропейского племени далекого до-исторического прошлого, т. е. в обществе, в котором не могло быть и речи о существовании классовых различий.

Положительное значение книг Девото и, отчасти, Альтгейма заключается в наличии в них богатого и свежего фактического материала, в учете новых открытий и специальных исследований, в обилии интересных частных наблюдений и догадок, одним словом, в том, что они будят исследовательскую мысль, по-новому ставят ряд узловых вопросов древнейшей истории Италии. Что же касается основных выводов авторов, то, как указывалось выше, только немногие из них могут быть приняты без оговорок.

Надо думать, что новые находки, особенно эпиграфических памятников, и усиленная разработка накопленных материалов в ближайшем будущем дадут возможность создать новые синтетические труды по древнейшей истории народов Италии.

Б. И. Надэль

E. LEVY, West Roman Vulgar law. Law of property, Philadelphia, 1951, 305 стр.

Эрнст Леви — в прошлом профессор Берлинского и других немецких университетов, а в настоящее время — профессор Вашингтонского университета — является автором многочисленных работ по истории римского права. Рецензируемая монография представляет собою первый том труда Э. Леви, посвященного изучению после-классического римского права. В первом томе рассматривается право собственности. Содержание второго тома, выпуск которого подготавливается издательством «Бэляус Нахфольгер», составляет обязательственное право.

Поскольку книга Э. Леви посвящена анализу римского права собственности — проблеме, имеющей первостепенное значение для экономического развития, значение этого труда выходит за рамки чисто историко-правовых проблем и представляет большой интерес для изучения истории Римской империи в целом.

Цель данной рецензии состоит не в исчерпывающем анализе той интерпретации римских правовых понятий, которая содержится в книге Э. Леви (эта задача должна быть предоставлена специалистам по истории римского права), но главным образом в характеристике значения данного труда для изучения общих проблем социально-экономической истории Римской империи.

Термин «вульгарное право» был введен в специальную литературу еще Г. Бруннером. Последний обозначал этим термином право, применявшееся на практике римскими провинциалами в период Поздней римской империи, право, представлявшее собою эволюцию или даже «вырождение» (Entartung) чистого римского права¹. Примерно такое же толкование «вульгарному праву» давал и Л. Миттейс². Э. Леви несколько расширяет понятие вульгарного права. По его мнению, вульгарное право представлено и в конституциях позднеримских императоров (стр. 4). Перегринское право, которое Миттейс рассматривал как неримское право, с точки зрения Леви, — разновидность «вульгарного права» (стр. 6). «Вульгарное право» и «послеклассическое»,

¹ H. Brunner, Deutsche Rechtsgeschichte, I, Lpz, 1906, стр. 378.

² L. Mitteis, Reichsrecht und Volksrecht, Lpz, 1891, стр. 5.

по Леви, не тождественные понятия. Не все положения вульгарного права могут быть отнесены к послеклассическому (стр. 2). Но практически Э. Леви для характеристики вульгарного права использует именно источники послеклассического права. Идеи вульгарного права универсальны: они характерны и для Западной и для Восточной империи. Торжество этого права начинается со времени правления Константина и продолжается на Западе вплоть до гибели Империи, после чего оно продолжало существовать в германских варварских государствах; на Востоке — до правления Юстиниана — реставратора классического римского права (стр. 15—16).

Центральное место в работе Леви занимает анализ эволюции понятий собственности и владения в IV—VI вв. Автор рассматривает также вопрос о способах приобретения собственности, о средствах защиты собственности и владения и некоторые другие связанные с этим вопросы. Исследуя эволюцию права собственности в Поздней империи, Леви, как правило, сопоставляет послеклассическое право в Западной Римской империи с законодательством Юстиниана и правом варварских германских государств (главным образом вестготским, бургундским и остготским). Основные источники, которые использует Леви для изучения вульгарного права, — это комментарий к кодексу Феодосия и к Сентенциям Павла, а также законодательство вестготского, бургундского и остготского государств.

Содержание понятия собственности в послеклассическом римском праве давно уже является объектом обсуждения в специальной литературе. Вопреки мнению Фюстель де Куланжа, доказывавшего неизменность понятия частной собственности на протяжении всего периода существования Римской империи¹, А. Гальбан-Блюменшток установил, что в Поздней империи сокращается расстояние между собственностью и владением². Э. Леви, опираясь на тщательный анализ источников, показывает, как изменялось содержание понятий собственности и владения в послеклассический период. Четкое различие между собственностью и владением, присущее классическому римскому праву, действительно еще при Диоклетиане. Но после него термин *possessio* становится общим наименованием собственности (стр. 22 сл.). В то же время *dominium* в ряде случаев обозначает владение вещью, т. е. то, что в классической юриспруденции именовалось *possessio* (стр. 32—33). Таким образом, для вульгарного права характерно смешение понятий собственности и владения. В этот период расширяется также понятие узуфрукта. Если юристы классического периода относили узуфрукт к числу прав на чужие вещи (*jura in re aliena*), то для вульгарного права узуфрукт — это один из видов собственности, ограниченной отсутствием права ее отчуждения (стр. 36—40).

Э. Леви отмечает также трансформацию, происшедшую в Поздней империи с различными видами наследственной аренды — эффитевзисом и *jus perpetuum*.

Классическое римское право рассматривало эффитевзис и *jus perpetuum* не как *jura in re aliena*, но как аренду или куплю-продажу. В послеклассическом праве этим видам пользования вещью придаются черты *dominium*, хотя иногда они рассматриваются по-прежнему как аренда (стр. 46—47). Но на Востоке, в отличие от Западной империи, с V в. заметно четкое разграничение эффитевзиса и собственности (*dominium*).

Смешение понятий собственности и владения делает теперь возможным то, что было совершенно исключено во время господства римского классического права — одновременную собственность двух или нескольких лиц на одну и ту же вещь — *dominium duorum in solidum* (стр. 67).

Точка зрения вульгарного права на собственность и владение отражена и в праве, кодифицированном Юстинианом. Но в общем законодательство Юстиниана возвра-

¹ Фюстель де Куланж, История общественного строя древней Франции, II, СПб., 1902, стр. 100.

² А. Halban-Blumenstock, Die Entstehung des deutschen Immobiliareigentums, Innsbruck, 1894, стр. 154—162.

щается к характерному для классического права разграничению собственности и владения (стр. 73—74). Зато в германских государствах положения римского вульгарного права о собственности играли определяющую роль (стр. 90).

Характерной чертой послеклассического права, как отмечает Леви, является также прогрессирующее ограничение частной собственности государством. Это ограничение выражается в экспроприации в некоторых случаях имущества частных лиц ради общественных нужд (например, принудительная продажа хлеба, освобождение рабов за их заслуги перед государством и проч.), в ограничении права отчуждения имущества для определенных разрядов населения (стр. 119), в утрате права собственности на землю теми лицами, которые в течение известного времени не обрабатывали ее (стр. 112), в принудительном наделении налогоплательщиков землей — эпиболэ (стр. 112) и т. д. Подобные ограничения права частной собственности государством присущи и праву германских варварских государств (за исключением положения об *agri deserti*) и законодательству Юстиниана (стр. 124—125).

Вульгарное право отличается от классического также и по способам приобретения собственности. Исчезает свойственное классическому праву разграничение между актом обязательства и актом передачи имущества (стр. 127). Если прежде уплата покупной цены не являлась необходимым условием для передачи собственности, то теперь уплата цены — неотъемлемое условие подобных сделок (стр. 137). Купля-продажа снова, как и в доклассический период, развивается в сделку, характеризующую прежде всего уплатой цены вещи наличными деньгами. Передача (*traditio*) происходит теперь обычно одновременно с уплатой цены.

Изменяется также роль дарений в хозяйственной жизни: из причины передачи имущества дарение нередко становится одним из способов передачи собственности (стр. 146).

В законах Юстиниана снова возрастает роль норм классического права при регулировании способов приобретения имущества. Но эти нормы все же несколько модифицированы юристами VI в. (стр. 155—156). Законодательство же варварских государств усвоило положения вульгарного права о способах приобретения собственности, и лишь в отдельных случаях можно усмотреть здесь влияние германских институтов (стр. 161—168).

Иначе, чем в классическом праве, рассматривается в вульгарном праве и вопрос о приобретательной давности. *Usucapio* исчезает после Диоклетиана, и приобретение собственности в связи с давностью владения происходит теперь в соответствии с институтом *praescriptio longi temporis*. Приобретательная давность устанавливается теперь сначала в 40, а затем в 30 лет, причем, в отличие от классического права, независимо от добросовестности владения, *bona fides* (стр. 192).

Распространенным способом приобретения собственности становится также обработка земель, заброшенных их владельцами (стр. 194). Юстиниан пытался восстановить принцип добросовестности как условие для приобретения собственности в связи с давностью владения, но эта попытка не имела успеха.

Вульгарное право отличалось от классического и по способам защиты собственности и владения.

Для практики защиты собственности в послеклассический период характерно разложение системы исков. Изменяется значение самого термина «виндикация». Если в классическом римском праве *vindicare* означало судебную процедуру для защиты абсолютного права собственности отдельных лиц, то в вульгарном праве (как и в древнеримском) таким термином характеризуется самопомощь, внесудебное присвоение имущества (стр. 218—219).

Изменяется также концепция вещных и личных исков. Иски квалифицируются теперь не столько по причине судебного дела, сколько по объекту этого дела. Теперь ставится в первую очередь не вопрос — «почему я могу требовать?», но вопрос — «что я могу требовать?» (стр. 228). Поэтому *actio in rem* выступает как требование определенной вещи, а *actio in personam* — как любая жалоба по поводу денежного платежа. Характерная черта системы защиты собственности в пос-

леклассическом праве — это то, что теперь не только истец, но и ответчик должен доказать свое право собственности (стр. 233). На Востоке система исков была возрождена и отчасти даже расширена Юстинианом. Германские же варварские государства следовали в этом отношении за римским вульгарным правом.

Послеклассическому праву присущи также нововведения в отношении защиты владения. Происходит сближение защиты способов собственности и владения. Специфическая защита владения с помощью интердиктов утрачивает свое прежнее значение. Из всех прежних интердиктов остается в употреблении лишь триада: *unde vi, utrubi, quorum bonorum* (стр. 263—265). Но и эти интердикты претерпевают изменения: они превращаются в нормальные иски по поводу возвращения владения. Падение значения интердиктов, по мнению Леви, объясняется тем, что теперь, в период крушения старого общества (*in the midst of the collapsing society*), для борьбы против насилий, нарушений владения недостаточно было гражданских средств. Поэтому Константин стал карать нарушение владения суровыми наказаниями, присущими уголовному праву, — конфискацией имущества и проч. (стр. 250).

С расширением практики насилий Леви связывает и изменение удельного веса различных видов интердиктов. Так, например, интердикт *uti possidetis*, применявшийся раньше в случае частичного нарушения кем-либо чужого владения, выходит из употребления, так как теперь приходится обращать главное внимание на восстановление вовсе утраченного в результате насилия владения. Поэтому и применяется широко в этот период интердикт *unde vi* (стр. 265).

Слияние средств защиты собственности и владения на Западе завершилось после падения Римской империи.

В германских варварских государствах вовсе не применялась специфическая процедура защиты владения. Юстинианом был восстановлен классический интердиктный процесс, но такие черты вульгарного права, как отказ от *exceptio vitiosae possessionis* и применение конфискации имущества в качестве меры наказания за нарушение владения, характерны и для восточноримского права VI в. (стр. 272).

Труд Э. Леви ценен прежде всего тем, что он убедительно демонстрирует специфический характер послеклассического римского права. Собранный автором фактический материал об эволюции римского права расширяет наши представления о некоторых сторонах социальной жизни Поздней империи, прежде всего об отношениях собственности, и облегчает изучение проблемы разложения рабовладельческой собственности и зарождения элементов новой формы собственности.

Сопоставление автором западного послеклассического права и права Юстиниана представляет значительный интерес для исследования особенностей исторического развития Восточной Римской империи. Сравнивая вульгарное римское право с варварскими правдами, автор сделал также ряд плодотворных выводов относительно путей, по которым проходила романизация права варварских германских государств.

Вместе с тем интерпретация, которую Э. Леви дает послеклассическому римскому праву, не может не вызвать серьезных возражений.

Речь идет прежде всего о самой методологии автора. Э. Леви рассматривает юридическую форму собственности в полном отрыве от ее материального содержания, в отрыве от экономических отношений. Для Леви собственность — это не общественное отношение людей, определенных социальных классов, но лишь отношение людей к вещам. Автор рецензируемой книги не учитывает в достаточной мере влияние экономических факторов на развитие права. Этот основной методологический порок концепции автора помешал ему плодотворно разработать богатый фактический материал, собранный в его книге.

Э. Леви не может поэтому решить проблему происхождения вульгарного права и объяснить причины торжества последнего в Поздней империи. Автор отвергает мнение, будто решающую роль в разложении классического права на Западе сыграло греческое влияние. Но он объясняет возникновение вульгарного права лишь тем, что римское право в течение ряда веков постепенно упрощалось, «популярizировалось», произвольно истолковывалось юристами послеклассического периода (см. стр. 7, 70—

71)¹. Причины же этого упрощения права Леви и не пытается раскрыть, если не считать глухого упоминания о социальных, экономических, политических и культурных изменениях (стр. 2).

Нежелание автора искать корни вульгарного права в области экономической жизни западных провинций Римской империи лишает его возможности обнаружить общие тенденции развития права собственности в рассматриваемый период, четко выделить те изменения права, которые отражают появление элементов нового, т. е. феодального права собственности.

Тот юридический феномен, который обстоятельно описан автором, — расширение понятия владения и сближение его с понятием собственности, — по-видимому, находится в связи с характерными чертами римской экономики IV—V вв. — господством крупного землевладения при мелком производстве и с зарождением форм условного землевладения, присущих феодальной форме собственности.

Игнорируя связь между правом собственности и классовыми отношениями, Э. Леви закрывает себе путь к объяснению многих им же самим отмеченных интересных явлений. Автор, например, вскользь упоминает о том, что сближение понятий собственности и владения касалось лишь тех лиц, которые владели землей *suo nomine*, и не влияло поэтому на положение рабов, акторов, прокураторов, либертинов и колонов; вульгарное право, подобно классическому, не рассматривало всех этих лиц как владельцев (стр. 62—63).

В других случаях автор останавливается на сближении владельческих прав на землю крупных арендаторов императорских доменов — эмпфитевтов — с правом собственности², отмечает правовые нормы, которые облегчали магнатам практику захвата чужих владений³. Но все эти явления не находят в книге Э. Леви объяснения, и это совершенно естественно, так как нельзя правильно истолковать подобные факты, не обращаясь к классовым отношениям рассматриваемого периода, к процессу формирования социального слоя колонов — предшественников средневековых крепостных, с одной стороны, крупных землевладельцев, с другой.

Точно так же и факты ограничения государством в последний период существования Империи частной собственности (куриалов, колонов и проч.) остаются без удовлетворительного объяснения потому, что автору чуждо представление о классовом характере государства, о влиянии классовых интересов господствующего класса через посредство государственной власти на формирование официального, а вместе с тем и вульгарного права.

Игнорирование связи между правом и социально-экономическим строем приводит к тому, что в книге Леви отсутствует сколько-нибудь ясно выраженная грань между римским послеклассическим правом и правом варварских германских государств.

Характеризуя процесс романизации права этих государств, усвоения последним вульгарного римского права, автор умаляет роль германских институтов в бургундских и других варварских законах. Э. Леви отрицает, например, наличие следов германских общинных порядков в аграрном строе варварских государств, не подтверждая, однако, эти свои выводы убедительным анализом источников. Ярким примером такого необоснованного отождествления позднеримских и германских право-

¹ Сходные взгляды относительно происхождения вульгарного права высказывает также немецкий историк права Ф. Визакер. См. F. W i a c k e r, *Vom Römischen Recht*, Lpz, 1944, стр. 33—34; о н ж е, *Vulgarismus und Klassizismus im Recht der Spätantike*, 1955 (последняя книга известна нам лишь по рецензии в «Zschr. für Rechtsgeschichte, Rom. Abth.», 74 (1956), стр. 444).

² См. также E. L e v y, *Vom römischen Precarium zur germanischen Landleihe*, «Zschr. für Rechtsgesch., Rom. Abth.», 66 (1948), стр. 18—21.

³ Уголовные кары за нарушение владения не применялись в том случае, если насилие было совершено не лично самим магнатом, а его людьми, и сам он ссылался на то, что плохо был осведомлен о данном деле. В таком случае магнат должен был лишь вернуть захваченное имущество его законному владельцу (стр. 260).

вых явлений может служить аналогия, которую Э. Леви проводит между вмешательством римских императоров в частную собственность и «автократическим» характером власти германских королей (стр. 122). Между тем, известно, что захват королями варварских германских государств в свое распоряжение всей земли на завоеванной территории вытекал из норм германского права.

Всесторонне изученные Э. Леви изменения в способах приобретения собственности, несомненно, свидетельствуют об упрощении системы частного права в Поздней империи. Но это упрощение процедуры передачи собственности, вероятно, связано, в свою очередь, с упадком экономической жизни и натурализацией хозяйства в Поздней империи.

Следует также отметить, что автор оставляет, по существу, открытым и вопрос о причинах «возрождения» римского классического права в Восточной Римской империи при Юстиниане, так как нельзя признать достаточным обоснованием этого явления ссылку на наличие на Востоке юристов, воспитанных в духе классического римского права (стр. 273).

Вопрос об эволюции права в Восточной Римской империи в III—VI вв., о разрыве между послеклассическим правом IV—V вв. на Востоке и правом Юстиниана требует специального рассмотрения. Но совершенно очевидно, что в праве Юстиниана представлен ряд тех норм классического права, которые на Западе давно уже вышли из употребления. Это явление, по-видимому, можно объяснить лишь в том случае, если будут учтены различия в экономическом и политическом развитии обеих частей Империи, сохранение на Востоке больших остатков товарно-денежного хозяйства, чем на Западе, более медленные темпы развития феодальных отношений.

В отзывах на книгу Э. Леви, появившихся в зарубежной печати, уже отмечалось, что, хотя автор характеризует вульгарное право как право, рожденное из практики, он освещает его, главным образом, по материалу, извлеченному из императорских конституций¹.

В заключение следует отметить, что книга Э. Леви, в которой собран богатый материал о развитии римского права в период, являющийся, по существу, уже переходным от античности к средневековью, может служить серьезным подспорьем при изучении проблем падения античного общества и генезиса феодализма в Западной Европе.

А. Р. Корсунский

КРАТКИЕ АННОТАЦИИ

НОВАЯ ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

МЕСОПОТАМИЯ

A. P a r r o t, *Archéologie mésopotamienne*, I. *Les Étapes*, P., 1946, 542 стр.; II. *Technique et problèmes*, P., 1953, 470 стр. Книга содержит суммарную характеристику результатов археологических путешествий и открытий в Ираке и Иране до середины XIX в. и краткое изложение истории дешифровки клинописи. Основной материал книги представляет собою описание раскопок конца XIX — первой половины XX в. до второй мировой войны (отмечены также некоторые открытия, сделанные в военные годы). Этот материал излагается отдельно для каждого исследованного пункта, причем автор не упускает из виду общей картины: хронологических и стратиграфических соответствий, культурно-исторических взаимоотношений. Книга богато иллюстрирована, снабжена картами, планами раскопок и детализированной библиографией. Во II томе

¹ J. G a u d e m e n t, «Revue historique de droit français et étranger», 1953, № 2, стр. 295—296.